

1. Мне совершенно понятно то презрение, которое испытывали к националистам (...) (*н.р.*) 68. Шопенгауэр и Чаадаев. Разве не прав великий немец, когда говорит, что своей нацией гордится лишь тот, у кого внутри себя совершенно нечем гордиться? Разве можно возразить знаменитому другу Пушкина, когда он, противопоставляя любовь к истине любви к родине, говорит, что первая порождает мудрецов, распространяет свет знания и приближает человека к Богу, а вторая порождает героев, но разделяет народы и подчас одевает землю в траур? Я и не собираюсь возражать двум мыслителям. Но мне просто физически отвратительны типы, именующие себя (...) (*о.т.р.*). Таких ограниченных, нечистоплотных и совершенно невосприимчивых к любым очевидным аргументам созданий (...) (*о.т.р.*). Так и вижу их – слюнявых, пустоглазых, с пивной отрыжкой – рассуждающих об ущербности евреев или негров. Пусть даже они трезвы, одеты в чистые черные рубашки и аккуратно подстрижены.

2. К политике всегда отношусь с чувством брезгливости; всю жизнь, однако, меня 72. волновал вопрос о природе и генезисе коммунизма. Он изначально был мне внутренне чужд, хотя за свои полвека я никогда активно ему не противостоял. Страстное выступление в защиту «социализма с человеческим лицом» на собрании моего выпускного класса ни к чему не привело: мне испортили характеристику за среднюю школу, а в Прагу ввели танки. Такой же пассивностью окрашен и мой мягкий отказ от вступления в КПСС в бытность мою директором школы. Тем не менее, я никогда не был членом какой бы то ни было партии. А это тоже позиция.

3. Коммунизм, несомненно, является религией. Ее истоки – (...) (*о.т.р.*) 92. т.е. в интеллигенции. Все (...) (*о.т.р.*) Белинский, Чернышевский, Добролюбов, (...) (*о.т.р.*) Писарев, Ткачев, Нечаев, (...) (*о.т.р.*) Ульяновы, (...) (*о.т.р.*) Троцкий, Сталин – все они уничтожили весь цвет народа, да и всю Россию. Но потенции этой кровавой религии крылись не в этих, пусть даже очень активных, (...) (*о.т.р.*): если бы это было так, коммунизм никогда бы не поднялся над заговорщицким, трактирно – пивным уровнем. Но они смогли опоить своим дурманом тысячи (...) (*о.т.р.*) интеллигентов, а те вложили оружие в руки миллионов деморализованных, полуграмотных и озлобленных крестьян.. Воинственная и при этом вооруженная религия – это чудовищная, катастрофическая сила.

4. Бисмарк хотел увидеть социализм воплощенным в какой-нибудь стране – чтобы все 63. остальные страны стошнило. Жаль, не дожил «железный канцлер» до 1933 г., когда Гитлер, Геббельс, Гимлер воплотили на его родине национал-социализм на целых 12 лет! А Ленину, Троцкому, Сталину удалось укорениться еще глубже: их эксперимент весь мир с содроганием и ужасом наблюдал более 70 лет!

5. Дайте мне настоящего русского интеллигента – и я поставлю весь мир на уши.
81.

6. В свое время, выбирая направление своего удара по России, Наполеон отождествил 91. Петербург с ее головой, Украину – с ее желудком, а Москву – с ее сердцем. Что-то не очень сытно живется сейчас многим в желудке!

7. «Коммунизм – это молодость мира», – гремит поэт. Скорее уж детство! Не то детство, 64. что с блестящими голубыми глазками и в трогательно обкаканых памперсах, а детство человечества – пещерное, кровожадное и пустоголовое.

8. Просто удивительно, как антиамериканизм пропитывает даже умных и добрых людей!

78. Мне тоже не очень нравится поза, в которую становится **Uncle Sam**. Но мы-то сами в такой позе, которая только проктологам нравится! Кто же будет реально противостоять самой главной опасности – исламскому экстремизму? Нет, сочувствуют даже кровавому Саддаму! А ведь есть еще и Бен – Ладен, и талибы, и чеченские ваххабиты. Неужели непонятно, что сейчас это самое страшное? Неужели всемирный размах терроризма и самый дерзкий **kidnapping** менее опасны, чем невинное бахвальство страны, которая – хотим мы того или нет – осталась единственной супердержавой?

9. Самая независимая страна в мире – Украина. От нее вообще ничего не зависит.
70.

10. Украина с 50 млн. населения ежегодно сдает в ООН взнос в 16 млн. долларов; т.е. даже
71. меньше, чем крошечная Голландия. Для справки: взнос США – 315 млн., России – 62 млн., Великобритании – 57 млн.

11. Уже Лютер определял государство как инструмент земного мира, вследствие чего и
75 греховное установление. Это не анархистское отрицание государства, а попытка его моральной дефиниции.

12. Либерализм столь же чужд России, сколь и марксизм. И, однако же, какие успехи
65. достигнуты вторым в ущерб первому!

13. Больше всего тоскую по родине отнюдь не на чужбине – дома, перед телевизором,
82. когда показывают «Новости».

14. Для меня либерализм – наиболее продуктивная общественная идея. Основное в
66. либерализме – это гармоническое сочетание **свободы** и **закона**. Мне импонирует присущее истинному либерализму стремление во что бы то ни стало **не ущемить** свободу. **Личная** свобода ограничена лишь законами морали и теми законами демократического государства, которые охраняют свободу одних граждан от свободы других, если они приходят в противоречие. Я не даю своему музцентру максимальный звук за полночь не только потому, что совесть не позволяет, но и потому, что это запрещенное законом деяние. **Политическая** свобода (и моя, и всего общества) ограничена лишь конституцией демократического государства. Ни я, ни другие граждане, индивидуально или в составе партий и союзов, не станем проповедовать расовые, национальные, религиозные барьеры между людьми – и из-за личного отвращения к этим предрассудкам, и из-за запрета закона. **Экономическая** свобода (и моя, и всего общества) ограничена лишь либеральным экономическим законодательством, всемерно поддерживающим личную инициативу и предпринимательство, сводя к разумному минимуму вмешательство государства в трудовую деятельность граждан и предприятий.

15. Сбрить бороду, что ли? А то ведь – Ленин, Фидель, Хомейни... Но если оставить усы –
84. приснятся Сталин и Гитлер, а если ничего не оставить – Мао и Жириновский...

16. И почему это Гагарин взлетел на «Востоке», а не на «Западе»?
89.

17. (...) (о.т.р.)

18. Нет, обойма русских бед куда вместительней, чем думал Гоголь: туда уместились не

77. только дороги и дураки – еще и Емельки двух типов. Один тип – на печи и ждет свою щуку. Другой – с окровавленным топором, царя поджидает. Впрочем, второго можно звать и Стенька, и Володька...

19.Представляю себе , что мог подумать наркомздрав Семашко, когда вскрыл
90. (...) (*н.р.*) тело Ленина и увидел (...) (*н.р.*)!

20.Народ в своей массе не только не желает, но и боится свободы. Это дало Бердяеву
67. право заключить, что свобода по духу своему аристократична. Именно поэтому аристократическое устройство государства есть несомненный идеал - в наше время, к сожалению, совершенно недостижимый.

21.Неужели, можно сказать что-то хорошее о стране, где у большинства населения слова
93.«камерный оркестр» вызывают ассоциации с тюрьмой?

22.Сколько веков человечество убеждалось в том, что общество устроено несправедливо,
87.но устранить эту несправедливость путем революций и быстрого прогресса невозможно. Нужна революция в сознании человека: духовность, любовь к Богу и красоте – вот путь к истинно справедливому, свободному обществу.

23.Я абсолютно убежден, что никакая общественная активность не установит добра и
86. справедливости в мире, ни на шаг не приблизит к Богу. Сам смысл трансцендентности Бога заключает в себе отказ от сопоставления социальной деятельности с деятельностью Духа.

24.Бездуховность современной цивилизации – не только человеческое падение. Это,
83. косвенно, борьба против христианства. Против Бога.

25.Как ни крути, а некоторые «анналы» так и отдают чем-то (...) (*н.р.*). Так же, как иная
94.«гармония» звучит заурадной гармошкой.

В 7.СОЦИОЛОГИЯ

(25+45+30)=100

26.Изучая общество, **социология** не может обойти вниманием такие вопросы, как
1. взаимоотношения общества и государства, общества и личности, общества и коллектива. Кроме того, рассматриваются также проблемы общественно-политических течений, эволюции и революции, свободы и порабощения, индивидуального и коллективного, личности и нации, народа и власти. Христианский аспект социологии – это рассмотрение понятий мессианства и эсхатологии, человекобожества и Богочеловечества.

27.Мое глубочайшее убеждение – в том, что центральной проблемой сегодняшнего мира,
2. проблемой глобальной, даже не социологической, а всеобщей, является страшное зло власти коллектива над личностью, причем под коллективом можно понимать любую организованную массу людей: государство, партию, «трудовой коллектив» и т.д.

28.Мудрый Лао-цзы, совершенно не стесняясь, прямо указывал, что народ лучше и
3. удобней держать в невежестве: «Те, кто умел следовать Дао, не просвещали народ, а оставляли его в невежестве. Когда народ много знает, им трудно управлять». Очень по-китайски!

29. Такой непохожий на Лао-цзы мыслитель, как Кун Фу-цзы, похоже, был совершенно согласен со своим предшественником - оппонентом во взгляде на народ. В книге «Лунь юй» Конфуций говорит: «Народ следует заставлять идти должным путем, но не нужно объяснять, почему». Совсем по-китайски!

30. Сейчас, как и сто, и триста лет назад, более всего разъединяет людей национальный предубежденный инстинкт. Он ослепляет людей, поднимает со дна души самые низменные инстинкты, из которых самый страшный - слепая ненависть к тем, кто по-другому говорит, ест и молится. Эта ненависть уже пролила моря крови и продолжает это делать.

31. (...) (о.т.р.)

5.

32. Петр Чаадаев считал, что в ряду других народов русские - народ совершенно исключительный. Причину этой исключительности он видел в том, что «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок».

33. Будучи обвиненным в не патриотизме за приведенные выше слова, Чаадаев, объявленный душевнобольным, написал «Апологию сумасшедшего», где рассмотрел любовь к отечеству как понятие. Он совершенно справедливо отметил, что самоед любит свои родные снега, делающие его близоруким, свою убогую юрту, пропахшую оленьим жиром, заражающим воздух зловонием, - но он их любит не так, как английский гражданин любит свой остров, с гордостью за высокую цивилизацию и политические свободы Британского общества. Противопоставляя любовь к родине любви к истине, Чаадаев пишет, что первая хоть и рождает героев, но разделяет народы и питает национальную ненависть; вторая же, рождая мудрецов, распространяет знание, создает духовные богатства и приближает людей к Божеству.

34. Бердяев не оригинален в своей любви к аристократии. Еще Сократ, рассматривая пять основных государственных форм (тирания, монархия, аристократия, плутократия, демократия), приходит к выводу, что нравственна лишь аристократия, т.е. власть небольшого количества образованных и нравственных людей.

35. Одна из главных претензий славянофилов к европейцам - завышенная самооценка, тогда как русские требовательны к себе. Но тогда на пути прогресса Россия должна была опережать Запад, т.к. завышенная самооценка - главный тормоз всякого движения вперед.

36. Противопоставление России Западу совершенно непродуктивно. Это понял еще Константин Кавелин. Понимая, что Россия и Европа развивались противоположными по форме путями, он утверждал, что у этих разных путей были тождественные цели и задачи. Кавелин видит закон исторического развития русского общества в постепенном укреплении начала личности и постепенном упадке патриархального, исчерпании исключительно национальных элементов. В результате сближение России с Европой неизбежно.

37. Томас Гоббс, уверенный, что «война всех против всех» была естественным состоянием людей, логически пришел к выводу, что «Согласие между людьми основано на соглашении, а оно искусственно».

38. Утверждения, что наш национальный характер не приемлет демократии, политических свобод и ценностей либерализма - абсолютная глупость. Просто

знаменитый **Habeas corpus** (английский закон о свободе личности 1679 года) опоздал к нам на века. Но у нас зато есть перед глазами пример. А имел ли его Джонн Локк, который в том же XVII веке написал: «**Естественный закон** гласит, что никто не имеет права ограничивать другого в его жизни, здоровье, свободе либо имуществе?»

39. У Монтескье был собственный взгляд на политическое устройство государства.

9. Рассматривая три вида правления (республиканское, монархическое и деспотическое) он пришел к выводу, что лучший вид для Средней и Западной Европы – конституционная монархия.

40. О несомненной вреде, приносимом любому обществу любым видом фанатизма,

10. говорили всегда. Вольтер в письме королю Пруссии тоже жалуется: «в наш просвещенный век, когда разум столь высоко возносит свой трон, самый дикий фанатизм воздвигает свои алтари в противовес ему». Наш век еще просвещенней – и что же?

41. Из социальных проблем, более всего занимавших Достоевского, самыми острыми

17. представлялись ему три. Первая – реальная угроза распространения нигилизма. В романе «Бесы» гениальный провидец высказал много догадок, впоследствии подтвердившихся в царстве большевизма. Его герой Шигалев, например, говорит: «Все рабы и в рабстве равны... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!»

42. Второй социальной проблемой для Достоевского была опасность человекобожия. В

18. «Братьях Карамазовых» Черт соблазняет Ивана: «Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все... но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом... и явится человеко-бог».

43. Тесно связана со второй третья проблема, неверие в бессмертие и в свободу духа, на

19. основании которого строится «Царство Божие на земле». Великий Инквизитор убеждает, что это возможно: «Мы заставим их работать, но в свободные часы мы устроим их жизнь, как детскую игру... Мы разрешим им и грех, они слабы и беспомощны... Ты гордишься Своими избранниками, а мы успокоим всех... Мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей».

44. Лев Толстой призывал, в принципе, к построению чего-то подобного (чего так

24. опасался Достоевский). Он писал в дневнике, что существующий строй подлежит разрушению, т.е. соревновательный строй должен был замениться коммунистическим, чтоб наступило, как он пишет 4.03.1855, «не будущее блаженство, а блаженство на земле».

45. Ни сам Толстой, ни его толстовцы и представить себе не могли, какой трагедией

25. обернется это разрушение строя и это «блаженство на земле».

46. Славянофил Данилевский создал собственную, совершенно ненаучную

22. классификацию цивилизаций (всего их 13), строящихся на четырех основах. До сих пор, якобы, существовали лишь одноосновные культурно-исторические типы (цивилизации). Например, еврейский – религиозный, греческий – культурный, римский – политический. В XIX веке доминировал двухосновной (политико-научный) западноевропейский тип. На смену всем им придет самый полный, четырехосновной славянский тип...

47. Рассуждения Гоголя о мировой истории часто (...) (*о.т.р.*):

11. «Русские женщины жалуются, если мужа не бьют их, - значит, они их не любят. Это и есть мировая история. Народы так же хотят кнута».

48. Еще один сторонник аристократии – Артур Шопенгауэр. Он различает три ее вида:

13. по рождению, по имущественному положению и по духу. Духовная аристократия – самая почетная. Философ отмечает, что каждая из аристократий окружена толпой недоброжелателей и завистников, но между собой все три вида уживаются прекрасно и без зависти.

49. Против национального предрассудка выступал и Шопенгауэр. Он вообще не

14. признавал ничего хорошего за национальным характером, т.к. в нем отражается толпа. Поэтому он считал, что «самый дешевый вид гордости – гордость национальная. Ибо кто ею одержим, обнаруживает этим отсутствие в себе каких-либо индивидуальных качеств, которыми он мог бы гордиться, т.к. иначе ему незачем было бы хвататься за то, что у него общего с миллионами».

50. То, что пытается поставить себя над личностью, будь то партия, нация, государство

21. или просто толпа, - всегда было враждебно религиозным устремлениям личности. Недаром все христианские мыслители относились к любому коллективу либо с недоверием, либо с открытым осуждением. Наиболее резко выступали против коллектива Бердяев и Кьеркегор.

51. Кьеркегор резко противопоставлял общее личному, которое он называл

20. Единичным. Для него Единичный всегда выше общего и определяет свое отношение к общему через свое отношение к Абсолютному. «Человек, - пишет датский мыслитель, - качественно отличается от других животных видов... тем, что личность, **Единичный**, - всегда выше рода». И продолжает: «Если множество есть зло, грозящий нам хаос, то спасение лишь в одном: стать **Единичным**».

52. Еще до «Манифеста Коммунистической партии» тесная связь коммунизма и тирании

30. была понятна многим в Европе. Так, Кьеркегор отмечал в своем дневнике: «Из всех тираний тирания равенства самая опасная. Больше всего ведет к тирании коммунизм».

53 «Оружие критики не может, конечно, заменить критику оружием, материальная сила

28. должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». В этой фразе Маркса – двойная трусость: оружию дается предпочтение перед мыслью, и массы «отдуваются» за своего вождя.

54. Маркс с гордостью говорил сам о себе, что его личная заслуга – доказательство трех

29. истин, касающихся классов: 1) существование классов связано с определенными историческими фазами развития производства, 2) классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) эта диктатура есть лишь переход к уничтожению всяких классов. Первое верно хотя бы уже потому, что сейчас классов, как их понимал и описывал Маркс, не существует. Второе – совершенная ересь, ибо везде диктатура пролетариата в основном насаждалась советскими вооруженными силами; там же, где предполагался отпор, т.е. в Западной Европе, в Северной Америке – диктатурой пролетариата и не пахло, и не (...) (*о.т.р.*). Третье отпадает само по себе, т.к. выяснилось, что переходом становится уже нечему.

55. У Генрика Ибсена словосочетание «враг народа» - не сталинский политический ярлык, а просто определение позиции личности; доктора Стокмана: «Опаснейшие среди вас враги истины и свободы – это сплоченное большинство!»

56. Народы никогда не восставали из небытия, не становились великими, не доминировали, если преследовали только свои узконациональные интересы и не служили высшим идеалам и всеобщему благу.

57. Как бы предвидя будущие еврейские погромы в России, Владимир Соловьев возвысил свой голос против патриотизма, оборачивающегося национализмом: «От **такого** патриотизма избавила нас кровь Христова, пролитая иудейскими патриотами во имя своего национального интереса! Озлобленное преследование и умерщвление Христа было делом не народности еврейской, для которой Христос был ее высшим расцветом, а это было дело узкого и слепого национализма таких патриотов, как Каиафа».

58. О том, что у нас весьма редки случаи личного возвышения или обогащения, основанного на честном труде, известно еще из сказок. Русские сказочные герои – почти все лентяи, как на подбор. Всю работу за них обычно выполняют либо Василисы Премудрые (бывшие лягушки), либо настоящие животные, вроде Конька-Горбунка или Щуки. Лежит, скажем, Емеля на своей печи, а ему «по щучьему велению» все блага предоставляются, вплоть до царевны.

59. Корни малой степени уважения, которое мы испытываем к собственности, - именно в ее не всегда ясном происхождении, в нежелании поверить, что она добыта честным трудом. В начале прошедшего века Василий Розанов отмечал: «В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или кого-нибудь «обобрал». **Труда** собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается».

60. Верна также мысль Розанова о природной неспособности русских к господству над другими народами: «Мы, как и евреи, призваны к идеям и чувствам, молитве и музыке, но не к господству. Овладели же к несчастью и пагубе души и тела 1/6 частью суши. И, овладев, в сущности, испортили 1/6 часть суши. Планета не выдержала и перевернула все».

61. Как известно, нацисты неумеренно превозносили Ницше и Вагнера, чего, конечно, ни тот, ни другой никак не могли предвидеть. Это, кстати, стало поводом для советских историков философии объявить Ницше идеологом нацизма, чуть ли не его родоначальником. А между тем найти в нацизме ницшеанскую основу – занятие бесперспективное. Вот, например, как философ комментирует лозунг, ставший впоследствии центральным в нацистской идеологии: «Германия, Германия, превыше всего» - я боюсь, этот крик предвещает конец немецкой философии».

62. Нацизм, как движение, несомненно, плебейское, трудносочетаем с учением Ницше, в основе своем антиплебейским. В «Веселой науке», например, философ всерьез говорит о том, что будь у фабрикантов и крупных торговцев хотя бы внешний аристократический лоск, который присущ дворянам, то не было бы и социализма.

63. Стремительное возвышение **толпы** как социального и даже духовного явления вызывало у Ницше явную неприязнь и опасения. В книге «Так говорил Заратустра» он писал: «Некогда дух был Богом, потом сделался человеком, теперь же – становится чернью».

64. Идиосинкрязия Ницше к толпе, к черни была настолько велика, что он не стеснялся

59. публичных весьма брезгливых заявлений, вроде того, что надо куда-либо удалять нищих, потому что одинаково неприятно подавать им подаяние и отказывать в нем.

65. Мережковский называл наступающую эпоху временем Грядущего Хама. Он писал, что
51. не надо бояться проявлений свободы – хоть внешней, хоть внутренней: «Одного бойтесь – рабства, и худшего из всех рабств – мещанства, и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам».

66. Следует признать, что мы все равно виновны в том, что произошло с миром в XX веке,
43. и потому необходимо некое всеобщее покаяние. Покаяние позволит нам внутренне очиститься, а значит, открыться новому религиозному чувству. Вера, дарующая любовь, изменит нас нравственно, и тогда появится надежда, что мы духовно воскреснем.

67. Как будто предвидя Хиросиму и Чернобыль, Зигмунд Фрейд еще в 1929 г. писал в
50. книге «Цивилизация и ее недоброжелатели»: «Люди располагают такой властью в своем господстве над силами природы, что, пользуясь ею, легко могут уничтожить друг друга вплоть до последнего человека. Они это знают – отсюда возникает значительная доля их теперешнего беспокойства, их уныния, их мрачного предчувствия».

68. Фрейд умел не только предвидеть: некоторые ретроспективные выводы он делал тоже.
57. Через десять лет после большевистской революции он вскрывал ее кровавые корни, размышляя о необразованных массах: «Пока они не знают, что в Бога больше не верят, все хорошо. Но они это непременно узнают... Если я не смею убивать своего ближнего только потому, что Бог запретил... но мне становится известно, что никакого Бога нет... я, разумеется, убью ближнего без рассуждений».

69. Весь социализм и коммунизм строятся на ложной посылке о зависимости добра и зла в
39. человеке от внешних условий. Недаром основатель социализма Оуэн отрицал идею личной ответственности.

70. Еще П. Б. Струве писал о двух типах интернационализма: мирном и воинствующем,
44. объединяющем нации и расчленяющем нации на классы. Таким образом, у интернационализма – два лица.

С 7. СОЦИОЛОГИЯ

71. Испанец Хосе Ортега – и - Гассет снискал себе репутацию самого яростного
47. противника идеологии «толпы», массы и государства как механизма подавления. Массе он противопоставляет либо личность, либо «избранное меньшинство».

72. Каждый отдельный человек, согласно Ортеге, может быть «человеком-массой»:
48. «Посмотрев на одного-единственного человека, мы можем сказать, является ли он человеком-массой или нет. В силу ряда причин человек-масса – это тот, кто не может оценить самого себя,.. это тот, кто чувствует себя «таким, как все». Ему нравится чувствовать себя таким, как все».

73. Ортега считал государство инструментом давления масс на личность. В книге
55. «Восстание масс» (1929) он писал: «Диктатура государства – вот та высшая форма, которую принимают насилие и прямое действие, ставшие законом поведения. Вышедшие из-под контроля массы действуют при помощи и посредством безымянной государственной машины».

74. «Национальный дух», некая «коллективная душа» тоже были подвергнуты анализу

56. Ортегой: «И вот тут-то наш анализ совершенно неожиданно сталкивает нас с абсолютно беспрецедентным, малоприятным и даже, пожалуй, страшноватым фактом, а именно: коллектив – это нечто, состоящее из людей, но при этом нечеловеческое, лишенное духа, души, дегуманизированное» («Человек и «люди», 1936).

75. Николай Лосский, называвший себя то интуитивистом, то персоналистом, разработал целую систему «персоналистической метафизики», согласно которой и нация, и государство являются категориями, стоящими над личностью: «Согласно метафизике иерархического персонализма, которой я придерживаюсь, каждое общественное целое, нация, государство и т.п., есть личность высшего порядка: в основе его есть душа, организующая общественное целое так, что люди, входящие в него, служат целому как органы его».

76. Русская эмиграция, никогда не представлявшая собой единого целого, по-разному относилась к большевизму. Иван Бунин был одним из самых резких критиков Ленина. В докладе о миссии русской эмиграции (1924г.) Бунин говорил: «(...) *(о.т.р.)*, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее: разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек...»

77. Называя Ленина «планетарным злодеем», Бунин прямо указывает на атеизм как на инструмент, при помощи которого большевики завладели массами: «Планетарный злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского дикаря и весь мир призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и Каину, учить семь заповедей Ленина».

78. Истинное достижение, настоящая цель западной демократии – это не демократия сама по себе, а свобода личности, ценности либерализма. Демократия же – лишь несовершенный инструмент, способный дать сбой.

79. Как бы полемизируя с Николаем Лосским, Габриэль Марсель писал: «На какие бы технические усовершенствования ни оказалось способно общество, оно не может стать подлинным субъектом, оно всегда будет лишь квазиличностью или псевдосубъектом. Поведение, на которое оно способно, рядом с жизнью или действиями мудреца в лучшем случае подобно электронному мозгу рядом с мыслящим существом». («К трагической мудрости и за ее пределы», 1968 г.)

80. Уильям Фолкнер хорошо чувствовал трагичность нашей эпохи. В своей Нобелевской лекции писатель говорил: «Наша нынешняя трагедия заключена в чувстве всеобщего и универсального страха, с таких давних пор поддерживаемого в нас, что мы даже научились выносить его. Проблем духа более не существует».

81. Революционная интеллигенция, в т.ч. большевистская «верхушка», мало напоминала нормальную политическую партию, к каким привыкли в Европе. Это был скорее какой-то кружок заговорщиков, секта извращенцев – (...) *(о.т.р.)*,, проповедующих немедленный рай в здешнем мире. Об их психологии отец Сергей Булгаков писал: «Это психология не политиков... это нетерпеливая экзальтированность людей, ждущих осуществления Царства Божия на земле, Нового Иерусалима, но при том чуть ли не завтра».

82. Маркс и Ленин сделали из рабочего некий избранный класс, призванный перевернуть

61. мир и установить свою диктатуру. В книге «Философия неравенства» (1923) Николай Бердяев отмечал: «Социалистическое государство есть сатанократия. Социализм исповедует мессианскую веру. Пролетариат есть класс-мессия».

83. Вечный противник массы, Бердяев находил такие слова, которые наглядно показывали весь трагизм положения личности в современном мире. В своей философской автобиографии «Самопознание» (1949) он писал: «Я принужден жить в эпоху, в которой торжествует сила, враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти **общего**, коллективной реальности, государству, нации».

84. Великолепную дефиницию дал интеллигенции Семен Франк в статье 1909 года «Этика нигилизма»: «мы можем определить классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия».

85. Утопизм коммунизма заключается в искажении христианской идеи спасения: во-первых, спасения не достигнуть насилем – вооруженным или принудительной силой закона; во-вторых, намереваясь построить рай на земле, большевики отбрасывали тезис Христа о «Царстве не от мира сего»; в-третьих, соблазнившись «превращением камней в хлебы», они отвергли спасение духовное, сосредоточившись на материальном.

86. Джордж Оруэлл, нарисовавший мрачную картину коммунистического будущего в романе «1984», видит свободу в том, что человек вправе высказать прописную истину: «Свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре. Если дозволено это, все остальное отсюда следует».

87. Нужно согласиться с Иваном Ильиным – русскому народу надо дисциплинировать волю и мышление. Характер русского человека таков, что без этой дисциплины, он легко становится «беспомощным мечтателем, анархистом, авантюристом, прожигателем жизни, хотя и сохраняет при этом свое добродушие».

88. Бесперспективность социально-политической деятельности отмечалась едва ли не всеми мыслителями. Вот и Сартр заявляет, что отравлять себя в одиночестве в баре или вести за собой народы – одинаково никчемно.

89. Идеал свободы, каким он мне видится, очень близок к дефиниции данной в очерке «Рождение свободы» (1944) Георгием Федотовым: «Наша свобода – не свобода воли, т.е. выбора, которую ничто, никакое ослепление греха или предрассудков не способно до конца отнять у человека; такой свободой обладает и комсомолец и член Hitlerjugend. Это и не свобода от страстей и потребностей низшей природы, к которой стремится стоический философ и аскет. Но это и не динамическая свобода социального строительства и разрушения, которой охвачена фашистская молодежь отдающая свою личную волю в полное подчинение вождям ради этого чувства коллективной мощи и власти. Наша свобода – социальная и личная одновременно. Это свобода личности от общества – точнее от государства и подобных ему принудительных общественных союзов. Наша свобода отрицательная – свобода от чего-то, и вместе с тем относительная; ибо абсолютная свобода от государства есть бессмыслица».

90. Современное общество нуждается в возрождении абсолютного, т.е. религиозного начала, которое могло бы ограничить все относительные-праведные и неправедные – притязания государства. Необходимо раскрыть это абсолютное начало как религию личности и свободы.

91. Над идеей национализма издевался не только эстет Шопенгауэр; трезво мыслящий социолог Питирим Сорокин подходит к этой идее чисто практически: «теория чистых рас оказалась мифом; их нет, как нет, например, специально немецкой или английской крови. В наше время чистота крови сохраняется разве только на конских заводах».

92. При отсутствии эффективного сопротивления власти и серьезного противодействия образованных кругов Россия начала XX века обречена была на отход от эволюционного пути развития. Сорокин писал в 1925 году, что «общество, которое не знает, как ему жить, которое не способно развиваться, постепенно реформируясь, а потому вверяющее себя горнилу революции, вынуждено платить за свои грехи смертью доброй части своих членов».

93. Главной утопией второй половины XX века была идея «конвергенции» - слияния капитализма и коммунизма. На Западе эту идею развивали Джон Гэлбрейт, Питирим Сорокин и Уильям Ростоу, у нас - диссиденты А. Зиновьев и академик Сахаров. Однако «мирное вращение друг в друга» социализма и капитализма обернулось на самом деле танками, раздавившими «пражскую весну» и афганскими кровавыми событиями.

94. Старичок Микеланджело Антониони временами по-хорошему «впадал в детство». Его фильм «Забриски Поинт» - вполне хипповский фильм. Да он и сам говорил в одном интервью: «Когда тебя инстинктивно влечет выступить заодно с мятежной молодежью Америки, это происходит, быть может, потому, что притягивает их естественная жизненная сила. Когда ты видишь в Чикаго юношей и девушек с одеялами на плечах и с цветами в волосах, которых избивают взрослые люди в шлемах, ты чувствуешь, что очень близок к тому, чтобы заключить с ними союз».

95. Думаю, что **“make love, not war”** - действительно великий лозунг. И вполне христианский, к тому же.

96. Владимир Соловьев опасался уничтожения западной цивилизации новым монгольским нашествием - теперь из Китая. Он весьма обстоятельно обдумал эту идею, построив ее на противопоставлении китайской тенденции к порядку - западной тенденции к прогрессу.

97. Глобализация сделала почти невозможным «китайское нашествие». Китайцы сейчас ходят в таких же галстуках или джинсах, как англичане, производят компьютеры и «шастают» по Интернету. Единственная, но очень серьезная угроза цивилизации - это исламский фундаментализм.

98. Тоталитаризм, как чума XX века вполне вписывается в определение, данное Альбером Камю: «Формула «один вождь, один народ» на деле означает «один хозяин, миллионы рабов». Политические посредники, в любом обществе являющиеся гарантами свободы, исчезают, уступая место Иегове в солдатских сапогах, царящему над толпой, которая либо безмолвствует, либо - что не меняет сути дела - выкрикивает навязанные ей лозунги».

99. Академик Андрей Сахаров видел истоки трагических явлений в коммунистическом обществе в следующем: «борьба за неограниченную власть, подавление интеллектуальной свободы, распространение в народе массовых эмоциональных и интеллектуально упрощенных, **удобных мещанину** мифов (миф расы, земли и крови, миф о еврейской опасности, антиинтеллектуализм)...»

100. Я всегда считал, что антисемитизм - проявление ограниченности ума, слабости характера и отсутствия истинной воли.